

Aèlita Bazilevskaâ

"Rody lûbvi" v rannem tvorčestve L. N. Tolstogo

Acta Neophilologica 12, 153-173

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Аэлита Базилевская

Московский областной педагогический университет

„РОДЫ ЛЮБВИ” В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Key words: personality, emotional and spiritual development, states of love, movement, Russian literature, Lev Tolstoy

Ряд ранних произведений Л.Н. Толстого: *История вчерашнего дня*, *Два гусара*, *Детство*, *Отрочество*, *Юность*, *Казачьи дети*, *Семейное счастье*¹ (в особенности последнее), – посвящен проблемам любви в ее видоизменениях, переживаниях и оттенках. Это своего рода главы художественной автобиографии писателя (позднее Толстой вспоминал о многочисленных своих детских и юношеских „любовях”, по большей части платонических). Здесь шаг за шагом раскрывался мир переживаний героев, совершался эволюционный переход от одного качества чувства к другому. Считая чувство любви безгранично многогранным, Толстой вновь и вновь анализировал его особенности, качества и характер, стремился даже к своеобразной формализации опыта (цифровому обозначению различий). По его убеждению, любовное чувство всегда проходит через разные роды и виды любви.

В повести *Юность* (глава *Любовь*) молодой писатель говорит:

Есть три рода любви к людям: любовь красивая, любовь самоотверженная и любовь деятельная.

Он подробно раскрывает все три понятия, причем рассматривает любовь не только между мужчиной и женщиной:

Я говорю про любовь к человеку, [...] про любовь к матери, к отцу, к брату, к детям, к товарищу, к подруге, к соотечественнику, про любовь к человеку.

---

¹ Л.Н. Толстой, *Собранные сочинения*, т. 1, 17 и 19, Москва 1965.

Градации относительны, различия между родами любви обусловлены степенью присутствия субъективно-эгоистического начала. В *Правилах*, написанных Толстым в 1847 году, читаем:

Источник всех чувств есть любовь вообще, которая разделяется на два рода: любовь к самому себе, или самолюбие, и любовь ко всему нас окружающему. Все чувства, имеющие источником любовь ко всему миру, хороши. Все чувства, имеющие источником самолюбие, дурны².

В литературе о Толстом есть материал, нас интересующий, хотя чаще всего его затрагивают косвенно. Так же было и в критике толстовской поры.

Успех первых произведений писателя был исключительным, внимание к ним было приковано со дня их появления. Н.Н. Страхов писал: „Сочинения Толстого представляют книгу прекрасного. Она прекрасна по мастерству, душевной теплоте и силе”³. Критик отмечал знание Толстым того, что любовь есть та сторона жизни, которая своей красотой всего доступнее людям. Любовь хотя бы на время может наполнить и оживить самую опустошенную и мертвенную душу, и Толстой с необычайной силой выразительности запечатлел это. Страхов отмечал нравственную направленность мыслей Толстого о любви, их связь с раздумьями о смысле жизни. Верному прочтению повестей Толстого немало способствовали и наблюдения Н.Г. Чернышевского⁴. Он подчеркнул весомость у Толстого мира чувств, которые служат основой „диалектики души”, выделил свойственную героям и их автору „чистоту нравственного чувства”.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский обращал внимание на то, что в художественных исканиях Толстой прежде всего опирается на знание самого себя, стремится проникнуть в потаенные глубины своего внутреннего мира. Известно, что Толстой не помнил своей матери, но на страницах *Детства* старался „заставить трепетать ту струну, которая в нем никогда не трепетала”⁵. Вопросам философии любви и ее художественного изображения у Толстого дал свое толкование Д.С. Мережковский. Он убежден, что Толстой – предзнаменование русского религиозного возрождения, суть которого – в синтезе двух „бездн”, двух начал – плотского и духовного. Мережковский отмечает, что Толстой – тайновидец плоти, стремящейся к одухотворению: никогда и нигде не является „человек душевный” с такою потрясающею правдою и обнаженностью, как в его произведениях: „Тут нет у него не только соперников во всемирной поэзии, даже во всемирном искусстве, но нет и равного ему”⁶.

² Е.Н. Купреянова, *Эстетика Л. Толстого*, Москва, Ленинград 1966, с. 88.

³ Н.Н. Страхов, *Сочинения гр. Л.Н. Толстого*, в: Н.Н. Страхов, *Литературная критика*, Москва 1984, с. 245.

⁴ Н.Г. Чернышевский, *Детство и отрочество; Рассказы графа Толстого*, в: *Толстой в русской критике*, Москва 1959, с. 18.

⁵ Д.Н. Овсяннико-Куликовский, *Л.Н. Толстой как художник*, изд. 2, Санкт-Петербург 1905, с. 9.

⁶ Д.С. Мережковский, *Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество*, Москва 1995, с. 94.

Последующие работы продолжили анализ психологии ситуаций и характеров у Толстого, в частности, на примере раннего творчества.

Монография В.А. Жданова *Любовь в жизни Льва Толстого*⁷ обнажает связи между личной судьбой и творчеством писателя, характеризует сложные перипетии внутренней жизни Толстого, его серьезные и откровенные размышления о любви, отношения с любимыми женщинами. Жданов подчеркивал, что молодой Толстой утверждал право человека на земное, в том числе „плотское” счастье, однако ощущал и „тяжелую повинность тела”. А.П. Скафтымов⁸ анализировал психологическое письмо Толстого, обусловленное его стремлением изображать „историю души” как процесс, непрерывно изменяющийся психический поток, воспроизводить в подробностях переходы из одного состояния в другое. Е.Н. Купреянова⁹ исследовала толстовскую нравственную концепцию и своеобразие психологического анализа, рассматривая „эпохи” человеческой жизни с точки зрения естественного и неестественного в личности.

Проблема любовного чувства в изображении молодого Толстого не осталась без внимания в книгах Я.С. Билинкиса¹⁰, Б.И. Бурсова¹¹, П.П. Громова¹², Т.С. Карловой¹³, Е.Н. Маймина¹⁴, статьях Ф.В. Попова¹⁵, П.А. Журова¹⁶ и других. Не в равной мере, но все же они касаются этой проблемы, как и психологического раскрытия диалектики мира чувств в целом. Отмечены многоликость любви, общая атмосфера влюбленности, характерная для произведений молодого Толстого. Жизнь сердца героев ставится в связь с душевными переходами, перепадами в чувствах, борениями души их создателя.

При всем обилии исследовательской литературы о Толстом, заметно отсутствие разработки ряда тем, в том числе психологии любовного чувства. Попытаемся на конкретном материале открыть ее новые грани. Попробуем пристально всмотреться в текст произведений, чтобы прояснить толстовское понятие „бога молодости”. Какие из любовных чувств несет в себе молодость? К чему они ведут? Как отвечают критерию нравственности? Каковы психологические мотивы любви у героев повестей? Каковы психологические состояния в различных по роду любви чувствах, в их переходах, сочетаниях, эволюции?

⁷ В.А. Жданов, *Любовь в жизни Л. Толстого*, Москва 1993.

⁸ А.П. Скафтымов, *Поэтика художественного произведения*, Москва 2007.

⁹ Е.Н. Купреянова, *Молодой Толстой*, Тула 1956.

¹⁰ Я.С. Билинкис, *О творчестве Л.Н. Толстого*, Ленинград 1959.

¹¹ Б. Бурсов, *Ранний Толстой*, Москва, Ленинград 1963.

¹² П.П. Громов, *О стиле Л. Толстого: становление диалектики души*, Ленинград 1971.

¹³ Т.С. Карлова, *Мастерство психологического анализа в ранних произведениях Л.Н. Толстого*, Казань 1964.

¹⁴ Е.Н. Маймин, *Лев Толстой*, Москва 1978.

¹⁵ Ф.В. Попов, *Роман „Семейное счастье”*, в: *Яснополянский сборник*, Тула 1960.

¹⁶ А.П. Журов, *Л.Н. Толстой и В.В. Арсеньева (Автобиографические отражения в повести „Семейное счастье”)*, в: *Яснополянский сборник*, Тула 1976.

Вернемся к толстовской классификации любви. Итак:

Любовь красивая заключается в любви красоты самого чувства и его выражения. Для людей, которые так любят, – любимый предмет любезен только настолько, насколько он возбуждает то приятное чувство, сознанием и выражением которого они наслаждаются. Такие люди мало заботятся о взаимности, часто переменяют предмет своей любви. [...] Главная цель их в том, чтобы приятное чувство любви было постоянно возбуждаемо.

Любовь самоотверженная заключается в любви к процессу жертвования собой для любимого предмета [...]. „Нет никакой неприятности, которую бы я не решился сделать для того, чтобы доказать всему свету и ему или ей свою преданность”. Вот формула этого рода любви. [...] Такие люди всегда горды своей любовью, взыскательны, ревнивы, недоверчивы [...].

Третий род – любовь деятельная, заключается в стремлении удовлетворять все нужды, все желания, прихоти, даже пороки любимого существа. Такие люди любят всегда на всю жизнь, потому что чем больше они любят, тем больше узнают любимый предмет и тем легче им любить, то есть удовлетворять его желания. Любовь их редко выражается словами, и если выражается, то стыдливо и неловко. Люди эти [...] ищут взаимности и не только желают счастья для любимого предмета, но всеми средствами постоянно стараются доставить его.

В разделении любви на роды проявляется много важного. Прежде всего – умение уловить и суть, и оттенки любовного чувства, оценить его с точки зрения человеколюбия в целом, общей нравственной ценности. Критерием всякий раз является соотношение в сознании и эмоциях человека его „я” и не „я”. Ощутима мысль о движении, отсутствии категорических границ, о возможности эволюции, переходов от одного „рода любви” к другому.

Уже в прямом высказывании автора *Юности* намечены переходы, постепенно приближающие человека к идеальной, то есть высоконравственной любви – любви деятельной. Толстой, открывший как художник закон „текучести” человека, видит связи, обнаруживающие себя в движении от одного чувства к другому. Он художественно доказывает, что самой природе любви свойственны все обозначенные им три рода. Их взаимопереходы и сказываются более всего в развитии, видоизменениях любовных переживаний,

Мысль-тезис Толстого о родах любви к людям реализована прежде всего в повести *Юность*. Но не только в ней. Более ранние повести представляют и другие виды и формы любви. Однако всегда писателя будут интересовать взаимосвязи различного, трансформации состояний, нахождение закономерностей в развитии чувства, их природных и социальных истоков.

Первый, незавершенный литературный опыт Толстого – отрывок из дневника 1851 года, названный им *Историей вчерашнего дня*. Это повесть о любви молодого человека к замужней женщине, о чувствах, которые он испытал в один из вечеров в ее доме. Здесь Толстой впервые обратился к анализу любовного чувства. Молодой человек – герой-рассказчик – раскрывает „диалектику” своей души, проявляя, по закону „бога молодости”, повышенный интерес к любовным переживаниям. Он размышляет и о начальных, природных

основах любовных отношений, стремится проникнуть в тайное тайных человека, познать разные стороны его души.

Здесь многое из мыслей Толстого только намечено, и вместе с тем есть признаки того, что уже сложилось представление писателя о человеке вообще, его природе, о различных комбинациях его чувств. Главное, из чего исходит Толстой, – знание о человеке как носителе доброго природного начала:

Добро положительно, а зло отрицательно; зло можно уничтожить, а добро нет. Добро всегда в душе нашей, и душа добро; а зло привито. [...] Добродетель есть самоотвержение. Неправда. Добродетель дает счастье потому, что счастье дает добродетель.

Следовательно, любовь – прирожденное качество, надо только его не заглушить. А оно проявится радостью, веселостью, иногда – внутренним ликованием, когда все окружающее начнет казаться хорошим, добрым, приятным, и сам человек вдруг окажется добрым, приятным, хорошим для близких и близких людей. Главное, что человек в порыве любви становится прозорлив, чуток и тонок.

В первом же литературном опыте писатель сделал немало психологических открытий. Он ставит вопрос о беспредельности человеческой личности: установить границы для чувства невозможно, оно неизбежно изменчиво, а значит – постоянно меняется и у героя. Толстой раскрывает психологию человека влюбленного и принятого любимой, которому все теперь кажется прекрасным. Красота чувства облагораживает его, тогда как ранее его не тянуло к общению с людьми, не радовали они (наблюдение над собой, вступившим вдруг в разговор с кучером).

Вспомним, что в романе *Анна Каренина* между Левиным и Кити будут происходить „неслышные разговоры”, когда они объяснятся в любви, не говоря ни слова, а только пристально глядя друг на друга. В *Истории вчерашнего дня* автор-рассказчик говорит:

Я люблю эти таинственные отношения, выражающиеся незаметной улыбкой и глазами и которые объяснить нельзя.

За этим стоит сцена „неслышного разговора” между дамой и молодым человеком. Герой влюблен, его чувство развивается и проявляется через внутреннюю работу, непрерывный поток сознания, рождающий „красивую” любовь.

Влюбленность помогает человеку видеть не только хорошее в других, но и дурное в себе. У героя (как некогда у самого Толстого) появляется дневник:

В дневнике я каждый день исповедуюсь во всем, что я сделал дурно. В журнале у меня по графам расписаны слабости – лень, ложь, [...] сладострастие.

Любые чувства естественны. Поэтому человек должен пройти как через „хорошие” мысли и чувства, так и через „плохие”, особенно, если его заботит

совершенствование себя. Уже в первом произведении Толстого звучит идея самосовершенствования.

Психологию любовного чувства Толстой прослеживает и в повести *Два гусара* (1856). На ее страницах противопоставлены два поколения: старое – искреннее и потому живое и гармоничное, – представителем которого выступает граф Турбин; и молодое – расчетливое и лицемерное, воплощенное в Турбине-сыне.

Старший Турбин – характерное явление прошедшей эпохи; он яркая, сильная натура, но управляется не разумом и чувствами, а страстями. Он чужд мелочного расчета, но нет у него и никаких больших, серьезных духовных запросов. Отличительные душевные качества старшего Турбина – необычайная открытость и „прямодушие до безрассудства”. Гусар-сын не похож на отца. Он выработал в себе „практичный взгляд на людей и обстоятельства, любовь к приличию и удобствам жизни, благоразумие и предусмотрительность”. Сыну Толстой не дал никакого имени, подчеркнув тем его безличность (имя косвенным образом, но всегда участвует в создании отношения к герою).

Сущность характера Турбина-сына ясно проявляется в двух эпизодах, в которых ему противопоставлен отец. Оба испытываются карточной игрой и любовью. Турбин-отец отнимает у шулера деньги, чтобы возратить их проигравшему корнету Ильину. А Турбин-сын играет в карты со старушкой-вдовой, за которой в былые годы ухаживал его отец, и спокойно обыгрывает ее. Сыном старого графа управляют расчет и корысть, понятие о чести и морали оказалось у него сниженным. Любовь в его жизни не занимает главенствующего места, а если она есть, то полностью направлена на удовлетворение самолюбия, эгоистична. Пагубность такой „любви” Толстой показывает на примере ложной влюбленности Турбина-сына в девушку Лизу, „добрую, деятельную, самостоятельную, чистую и глубоко религиозную”. И Турбин-старший, и Лиза – полная противоположность младшему Турбину.

В молодости Турбин-отец увлекся хорошенькой вдовой А.Ф.:

Она с каждой минутой все более и более нравилась, так что под конец кадрили он был искренно влюблен в нее.

Именно – искренно. (Толстой, заметим, искренность чрезвычайно ценил в людях.) Любовь графа не была сильным чувством на всю жизнь, но не была и притворной. „Он не притворялся, что для нее готов был броситься в прорубь”. Все желания и мысли Турбина-старшего были сосредоточены на одном – видеть и любить. В тот краткий промежуток времени, практически в один день, граф был готов на любые жертвы и безумства. Его любовь-страсть походила на самоотверженную любовь, хотя и не была ею.

Граф быстро взбежал на лестницу и, застав вдовушку еще спящую, взял ее на руки, приподнял с постели, поцеловал и живо выбежал назад.

Отец-гусар испытывает любовь как нечто приятное, пожалуй, красивое. Однако это не тот род любви, который основательно описан Толстым в *Истории вчерашнего дня*, где любовь героя являет собой действительно красивую, непосредственную и чистую любовь, когда любят, открывая для себя новые ощущения, неизвестные душевные порывы. В основе любовного чувства графа – плотское начало. Оно представлено Толстым как стихийное, природное, а значит – естественное проявление. В ином ракурсе представлено плотское начало у Турбина-сына. Встретив дочь А.Ф., Лизу, в которой он пробудил чувство первой влюбленности, он проявил себя как циник и эгоист, глубоко оскорбил девушку, воспользовавшись ее неопытностью.

Оба – отец и сын – испытываются любовью, оцениваются ею. За двадцать лет, разделявших поколения Турбина-отца и Турбина-сына, по словам Толстого:

много прекрасного и много дурного старого погибло, много прекрасного молодого выросло и еще больше недорос-шего, уродливого молодого появилось на свет божий¹⁷.

В повести *Юность* (1855-1857) все направлено на то, чтобы проследить процесс развивающегося чувства любви Николеньки Иртеньева к окружающим людям. Внутренняя работа героя подчинена сложным душевным переходам, борениям и противоречиям. Первенствующее место в повести занимают эпизоды самоанализа героя, проходящего различные стадии духовной жизни, новые для него чувства и ощущения. За небольшой отрезок времени, зафиксированный Толстым чуть ли не поминутно, герой переживает целую гамму настроений – их возникновение, развитие, угасание, вытеснение одних другими.

Образ главного героя содержит автобиографические черты, но это вовсе не автопортрет Толстого. Образ повествователя придает особый объем психологическому анализу. Одновременно можно видеть происходящее глазами Николеньки и глазами взрослого Иртеньева, который вспоминает и оценивает прошлое. Личность героя исследуется автором исходя из самонаблюдений, зафиксированных в дневниках. Тема любви в различных ее проявлениях постоянна в мыслях героя.

В детстве Николенька был влюблен в Сонечку Валахину. Эта любовь – „свежее чувство, исполненное таинственности и неизвестности” – явилась знаком приближающегося перехода из одного возраста в другой. Позже, в юности, он отправляется к Сонечке с визитом. Прошло несколько лет, и эта встреча – событие в жизни героя. Воспоминания о детской любви живо сохранились в душе Николеньки. Толстой так описывает чувство, которое испытывает герой, снова встретив предмет своей любви:

¹⁷ Цит. по: Н.К. Гудзий, *Лев Толстой. Критико-биографический очерк*, Москва 1960, с. 57.

Я не был влюблен, но, расшевелив в себе старые воспоминания о любви, был хорошо подготовлен влюбиться и очень желал этого.

Любовь к Сонечке не остается чувством спрятанным и затаенным в душе героя, в тот же день он рассказывает о ней своему другу Нехлюдову:

Я видел ее нынче, – продолжал я с увлечением, – и теперь я решительно влюблен в нее. [...] И странно, что как только я рассказал ему про свою любовь и про все планы о будущем супружеском счастье, в то же мгновение я почувствовал, как чувство это стало уменьшаться.

Герой и любит, и не совсем любит, и совсем не любит. Такой подход для Толстого очень характерен. Писателя вовсе не интересует само по себе это „любит” или „не любит”, а интересует механизм чувства, его изменчивость, то, что лежит не на поверхности. Николенька ощущает превосходство своей любви над любовью своего друга Нехлюдова. Любовь Нехлюдова была совершенно иной, отличной от любви Иртеньева. Нехлюдов убедил себя в этой любви, так как Любовь Сергеевна была некрасива и несчастна. Такая любовь не принесла радости и удовлетворения ни Нехлюдову, ни предмету его любви: она шла не от сердца, а от трезвого рассудка, ума. Любовь Нехлюдова строится на самопожертвовании, он искренне желает делать добро другим, жертвуя собой. Но это стремление связано с тщеславием, а значит – с эгоизмом.

Толстой вкладывает в уста героя близкие себе мысли: Иртеньев строит планы на будущее, представляя себя живущим в деревне, в окружении любящей жены и детей. Сам писатель в подобной ситуации размышлял очень трезво:

Дело, казалось, шло хорошо, но я чувствовал, что я не совсем умственно здоров и долго это не может продолжаться. И я бы тогда, может быть, пришел к тому отчаянию, к которому я пришел через 15 лет, если бы у меня не было одной стороны жизни, не изведанной еще мною и обещавшей мое спасение, это была семейная жизнь¹⁸.

Николенька внезапно переменил предмет своей любви, перенес ее на сестру Нехлюдова, хотя понимает, что вновь влюблен в Сонечку:

И вдруг я испытал странное чувство: мне вспомнилось, что именно все, что было теперь со мной, – повторение того, что было со мною один раз. Неужели она? Неужели начинается? А та будет необыкновенная, с той я встречусь где-нибудь в необычном месте.

Так размышляет герой над своим чувством к Вареньке. Аналогичная ситуация (любовь „к воображаемой женщине”) была у самого Толстого („в тот период времени, который я считаю пределом отрочества и началом юности”).

---

¹⁸ Цит. по: П.И. Бирюков, *Биография Л. Толстого*, т. 1, Москва 1923, с. 252.

Толстой не пытается определить: любит или не любит „по-настоящему” его герой, а лишь следит за его прохождением через „роды любви”. Любовь Нехлюдова Николенька воспринимает отчужденно, аналитически присматриваясь к ней, не ставя в один ряд со своей любовью. Любовь самого Иртеньева к Сонечке развивается по ранее задуманной схеме, любовь же Нехлюдова спонтанна. Ответное чувство Любви Сергеевны к Нехлюдову самоотвержено, чего не может понять Иртеньев со своей красивой любовью к Сонечке. Хотя и в любви Иртеньева проявляется стремление жертвовать собой ради счастья других.

Нехлюдов постоянно ощущает потребность в предмете своей любви, он уверен, что влюблен искренне. Говорит он Николеньке:

С ней я совершенно другой человек. [...] Ведь ты только воображаешь, что ты влюблен в Сонечку, как я вижу, – это пустяки, и ты еще не знаешь, что такое настоящее чувство. Я не возражал, потому что почти соглашался с ним.

Любовь к Сонечке живет только в воображении Николеньки, счастье его тоже воображаемо, в действительности он очень далек от Сонечки (напомним, что прообраз чувства Николеньки – это детская, первая, воображаемая любовь Толстого к Соне Колошиной).

О противоречиях самоотверженной любви свидетельствует в повести любовь отца главного героя к Авдотье Васильевне, мачехе Николеньки. Их как будто связывает крепкая взаимная привязанность, которую автор подчеркивает: „Она любила своего мужа более всего на свете, и муж любил ее”. Свое отношение к мужу Авдотья Васильевна строит на самопожертвовании, являя собой одну из тех натур, которые „ежели раз полюбят, то жертвуют всю жизнь тому, кого они полюбят”. Она, к примеру, любила приодеться, но для мужа „жертвовала своей страстью к нарядам”. Однако многочисленные жертвы не приводят ее к счастью и единению с мужем, а, наоборот, устанавливают между мужем и женой „заметно перемежающееся чувство тихой ненависти”.

Обратим внимание на общие приметы, данные любви самоотверженной, и пойдем, что хотел сказать Толстой судьбою этой любви. Она в самом самоотвержении несет себе гибель, так как нет в ней безоглядной самоотдачи, а есть пусть не грубый, но расчет и неумение чувствовать другого человека. Любовь подвергнута анализу, и оказывается, что в ней переплетены самоотвержение и эгоизм, высокое и низкое.

Для Толстого неотъемлемый элемент самоанализа – моральное самоопределение, постоянная переоценка этических ценностей. Важнейшая и истинная особенность человека – непрерывный духовный поиск, движение личности к нравственному совершенствованию. В трилогии Толстого – „органическое влечение, с одной стороны – к так называемым проклятым вопросам, с другой – к выработке [...] нравственной догмы”¹⁹. Моральные метаморфозы

¹⁹ Д.Н. Овсяннико-Куликовский, *op. cit.*, с. 54.

героя связаны с проблемой любви. Истинная любовь, по Толстому, – деятельная. К ней приближается в своем любовном чувстве Нехлюдов, ощущает ее как идеал – Иртеньев.

Эволюцию любовного чувства прослеживает Толстой и в повести *Казаки* (1852-1863). Вот Оленин – молодой аристократ, бегущий от пустоты, искусственности, фальши „света”. Он исполнен горечи сознания собственных ошибок, нереализованного в жизни идеала. Один из родов любви, который описал и ввел в действие повести Толстой – „любовь любви”. Это чувство охватывает Оленина особенно в первые минуты его отъезда из Москвы:

„Люблю! Очень люблю! Славные! Хорошо!” – твердил он, и ему хотелось плакать. [...] Кого он очень любил? Он не знал хорошенько.

Именно эта „любовь любви” с ее жаждой счастья, нетерпением и надеждой привела его на Кавказ:

Он раздумывал над тем, куда положить всю эту силу молодости, только раз в жизни бывающую в человеке, – на любовь ли к женщине или на практическую деятельность [...], на тот неповторимый порыв, ту на один раз данную человеку власть сделать из себя все, что он хочет. [...] Он носил в себе это сознание, был горд им и был счастлив им.

Толстой подчеркивает силу „бога молодости” в Оленине. Она вела героя к поискам необыкновенной любви, к страстному желанию счастья:

Вся природа, казалось Оленину, вдавливала любовь в его душу и говорила „Люби!” Но долго не было предмета любви и родилось неверие в самое чувство: „Да есть же во мне желание любить, сильнее которого нельзя иметь желанья! Да опять, и есть ли такая любовь?”

По дороге Оленина поражает красота гор. Так начинается его преображение. Не сразу он избавляется от самолюбивой любви, которая, по Толстому, и дурна и привлекательна:

Любовь к самому себе, горячая, полная надежд, заставляла его плакать и бормотать несвязные слова.

Но под влиянием встречи с простыми людьми, величавой природой в нем происходит перемена:

Счастье в том, чтобы жить для других. [...] Ведь ничего для себя не нужно [...] отчего же не жить для других.

В этой новой теории счастья как будто много человеколюбия, любви не к себе. Но нельзя не уловить и иронию Толстого. Оленин желает „найти случай сделать добро”. Это делается нарочито, не без любования собой. Вскоре его поглощает самоотверженная любовь к людям, которая оказывается чувством фальшивым. Он совершает „подвиг” самопожертвования, о котором теперь все его мысли, – дарит своего коня казаку Лукашке и переживает это как счастье: „Он так любит всех и особенно Лукашку в этот вечер”.

Мысли о самоотвержении переплетались в душе Оленина с неприязнью к прежней жизни. Устроившись в станице, он „испытывал молодое чувство беспричинной радости жизни [...], было свежо и ясно”. Есть, по Толстому, в самоотверженной любви и свежесть, и ясность, точнее: может быть. Но больше в ней надуманности и насилия над собой. Толстой иронизирует над героем, давая внутренний монолог Оленина в лесу, где он ощущает „прелесть” от „комариной атмосферы”:

Ему ясно представилось, что думают и жужжат комары: „Сюда, сюда, ребята! Вот кого можно есть”. Тогда-то и возникла в голове Оленина идея самоотвержения: „Любовь – самоотвержение”. Он так обрадовался и взволновался [...], что вскопчил и в нетерпении стал искать, для кого бы ему поскорее пожертвовать собой.

Сопоставим текст повести с тем, что писал Толстой в дневнике периода окончания *Казак*ов:

Так называемое самоотвержение, добродетель есть удовлетворение одной болезненно развитой склонности. [...] Кто счастлив, тот прав! – человек самоотверженный слепее и жестче других.

Недаром сцена в лесу заканчивается в мрачном колорите. Оленин в пору поисков любви несчастлив. Живет головными страстями, которые не могут дать счастья. Вместе с тем искания Оленина в основе своей, в стремлении к неэгоистичному счастью воспроизводят душевное состояние Толстого. Вот что писал он своей тетке А.А. Толстой в мае 1859 года:

Я был одинок и несчастлив, живя на Кавказе. Я стал думать так, как только раз в жизни люди имеют силу думать. [...] Я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь, и что жить надо для других, для того, чтобы быть счастливым вечно²⁰.

Перерождение героя происходит главным образом под влиянием его чувства к казачке Марьяне. Оленин не знает, что влечет его к Марьяне. Он называет свою любовь особенной, выражаясь о ней так:

Это было чувство, не похожее ни на тоску одиночества и желание супружества, ни на платоническую, ни еще менее на плотскую любовь.

Постепенно любовь испепеляет все мечты Оленина о самоотвержении:

Я люблю эту женщину настоящей любовью, в первый и единственный раз в жизни. [...] Самоотвержение – вот это вздор. [...] Жить для других, делать добро! Зачем? Когда в душе моей одна любовь к себе и одно желание – любить ее, жить с нею, ее жизнью. [...] Я не люблю теперь этих других.

Оленин возвращается к эгоистической, самолюбивой любви. Такими были его отношения с „другими” и в московский период. Однако ему кажется, что тогда всякое чувство было „натянутым, тоненьким, односторонним, личным, уродливым”, а теперь оно сильно, высоко и даже величественно, как горы Кавказа.

²⁰ Цит. по: Н.Н. Арденс, *Творческий путь Л.Н. Толстого*, Москва 1962, с. 28.

Поначалу Оленин не оценил Марьяну: „Да еще много таких будет”. Но вскоре подумалось: „Должно быть, она”. Вспыхнувшая страсть ломает, уничтожает всю внутреннюю работу его ума и сердца: „С каждым днем ее присутствие становилось для него все более и более необходимостью”. Ему приходит мысль бросит все прежнее, остаться в казаках, завести хозяйство и жениться, пусть даже не на Марьяне. Ее теперь он уступал Лукашке. Это был период, когда Оленин жаждал самоотвержения благодаря и вопреки разгорающейся страсти к Марьяне, которой он говорит: „Я не знаю, что готов для тебя сделать”.

В центре повествования о любви Оленина – его письмо, даже не предназначенное к отправке. Это, по сути, развернутый внутренний монолог, самоанализ героя, освещающий диалектику его души и характера, самый процесс перехода его от чувства к чувству в борьбе с самим собой, в постоянных противоречиях мысли:

Я еще боролся; я говорил себе: неужели можно любить женщину, которая никогда не поймет задушевных интересов моей жизни? [...] а уже любил ее, хотя еще не верил своему чувству.

А вот о стадиях любовного чувства:

Я любовался ею, как красотою гор и неба, [...] потом я почувствовал, что созерцание этой красоты сделалось необходимостью в моей жизни, и я стал спрашивать себя: не люблю ли я ее?

Письмо составлено по законам толстовского „потока сознания” и ведет к пониманию главного в отношении Оленина к Марьяне: отказа его от идеала бескорыстной любви, замену ее чувством ревнивым и деспотичным.

Герой проходит несколько стадий в отношениях с Марьяной, и все они построены на контрастных сочетаниях: „паутина любви” к другим и сладость любви к себе, склонность Марьяны и ее же отвращение к Оленину, восторг и отчаяние Оленина. Оленин испытывает стыд при отъезде из станицы, который похож на бегство, полон безнадежности:

Так же, как во время его проводов из Москвы, ямская тройка стояла у подъезда. Но Оленин уже не считался, как тогда, сам с собою и не говорил себе, что все, что он думал и делал здесь, было не то. Он уже не обещал себе новой жизни.

Знаменательна последняя реплика деда Ерошки, обращенная к Оленину: „Нелюбимый ты какой-то”.

В *Казаках* Толстой проводит героя через разные роды любви, не имеющие четких границ, вбирающие в себя черты других родов. Это сказалось в судьбе Оленина. Он какое-то время исповедует законы самоотверженной любви, но не испытывающей деятельности, возвращается к „красивой”, эгоистичной „любви к любви”, а тем самым – вновь к самому себе, прежнему, самовлюбленному. Поиски неэгоистичного счастья не дались герою. Оленин приходит

к печальному итогу, но с ним остается его неудовлетворенность, потребность нравственного поиска.

Эволюция любовного чувства от рода к роду любви наиболее отчетливо и полно, с новой выразительностью раскрыта в повести *Семейное счастье* (завершена в 1859).

Что такое за открытие, что человек любит? Как будто, как только он это скажет, что-то защелкнется, хлоп – любит. [...] Мне кажется, что люди, которые торжественно произносят эти слова: „Я вас люблю”, или себя обманывают, или обманывают других. [...] Есть чувство, так оно выразится.

Исходя из этого высказывания главного героя, можно утверждать: Толстой его устами говорит, что объясняться в любви нелепо. Невозможно определить начальный момент любви. С точки зрения Толстого, любовь – это развивающееся во времени нравственное чувство. Чувство это видоизменяется бесконечно; определить его конец так же трудно, как и начало.

В работе над *Семейным счастьем* Толстой опирался на личные переживания, на свой роман с Валерией Арсеньевой, хотя и не ясно, в каком соотношении находилось пережитое с содержанием повести. С.А. Толстая в биографическом очерке *Толстой* упоминает о переписке Толстого с Арсеньевой, утверждая, что любви у Толстого к ней не было, была лишь любовь к любви и добру. Биограф Толстого П.И. Бирюков, хотя и считал Арсеньеву невестой Толстого, оговаривался при этом, что страстной любви между ними не существовало: „То, что в действительности могло бы быть, но чего еще не было, в романе стало уже реальным фактом”²¹. В.А. Жданов полагает: „Толстой не любил, но искал любви и не нашел ее”²².

Мнения Толстого об Арсеньевой изменчивы, взаимоотношения с ней неровны. Толстой при встречах с ней крайне назидателен:

Я стал щипать ее морально и до того жестоко, что она улыбалась недоконченно. [...] Мне было хорошо, но она уже была расстроена²³.

Каждую новую встречу с Арсеньевой Толстой описывает в дневнике, осуждая не только ее, но и себя за свое отношение к ней: „Я сделал ей серьезно больно вчера”. Мнения о Валерии у Толстого изменчивы и противоречивы. 12 июня он пишет:

Фривольность и отсутствие внимания ко всему серьезному ужасающи. Я боюсь, это такой характер, который даже детей не может любить.

А вот запись от 25 июля:

Кажется, она деятельно любящая натура. Провел день счастливо²⁴.

²¹ П.И. Бирюков, *op. cit.*, с. 158.

²² В.А. Жданов, *op. cit.*, с. 46.

²³ Цит. по: А.П. Журов, *op. cit.*, с. 124.

²⁴ *Ibidem*.

Чувство к Арсеньевой развивалось, что впоследствии в развернутой форме отразилось в повести *Семейное счастье*.

Н.Н. Гусев утверждал, что „автобиографическая основа повести *Семейное счастье* удостоверена самим Толстым”²⁵. Но, хотя налицо некоторые внешние и внутренние черты Толстого в образе главного героя повести, все же это – люди разные, с различными темпераментами и разным духовным обликом. Действительно, Сергей Михайлович, герой повести, – человек спокойный, выдержанный, склонный к самопожертвованию. Толстой же, как мы знаем из его дневников и наблюдений биографов, – характер бурный, противоречивый, склонный к самоанализу. Еще меньше сходства в главной героине и ее прототипе.

Маша – здоровая, крепкая девушка, мечтательная и инициативная, способная сильно чувствовать. Арсеньева же – девушка хрупкая, вялая, холодная, поверхностная, эгоистичная, увлеченная нарядами и склонная к светским удовольствиям (правда, ее характеристика дана самим Толстым, а он не всегда расположен к ней).

Письма Толстого к Арсеньевой – как бы прелюдия к повести. Это своего рода исповедь Толстого, его думы о смысле жизни, о счастье, о призвании женщины и т.д., но цель всех этих писем одна – „высвобождение себя из положения «почти что жениха»”²⁶. Толстой придавал очень серьезное значение браку:

Ежели я не найду совершенного счастья, то я погублю всё, свой талант, свое сердце²⁷.

Первым условием счастья в семье Толстой видел труд, о чем неоднократно говорил в письмах. Но однажды он написал, что любовь и женитьба доставили бы ему и Арсеньевой только страдания:

Мне кажется, что я не рожден для семейной жизни, хоть люблю ее больше всего на свете. [...] Из всех женщин, которых я знал, я больше всех любил и люблю вас, но все это еще очень мало²⁸.

Таким признанием завершил Толстой свои отношения с Арсеньевой.

При сопоставлении истории Толстого и Арсеньевой и истории героев *Семейного счастья* можно убедиться, что отношения эти весьма несходны. В повести мы видим состоявшуюся, устойчивую, осуществленную любовь. В жизни, быть может, не было любви ни с той, ни с другой стороны. Толстой писал о ней, называя ее „воображаемой любовью”²⁹. Но если не было любви, то что же было?

²⁵ Н.Н. Гусев, *Материалы к биографии Л.Н. Толстого с 1855 по 1869 гг.*, Москва 1957, с. 333.

²⁶ Цит. по: А.П. Журов, *op. cit.*, с. 129.

²⁷ Цит. по: Ф.В. Попов, *op. cit.*, с. 41.

²⁸ Цит. по: А.П. Журов, *op. cit.*, с. 131.

²⁹ *Ibidem*.

Была романтика положений: приезды, уединенные беседы, наслаждение чувствовать себя любимым. Это был опыт любви без любви³⁰.

Роман с Арсеньевой дал писателю длительный опыт наблюдения за своим и ее душевным миром и поведением. В повести отразились романтика любви и семейной жизни, первые опасности расхождения и размолвок, впервые осознаваемые противоречия отношений в браке.

Думая и чувствуя за свою героиню и ведя повествование от ее лица, Толстой следит за нарастанием у нее чувства к будущему мужу и за развитием тех сторон их отношений, которые впоследствии осложнят их супружество. Сама любовь Маши – чувство, развивающееся во времени. Все для героини вначале хорошо и прекрасно, все мысли ее заняты Сергеем Михайловичем. Чувства Маши поэтизируются Толстым, любовь героини проходит в этот период этап любви красивой.

Вечер был так хорош, [...] мы остались на террасе, и разговор был так занимателен для меня, что я не заметила, как понемногу затихли вокруг нас людские звуки. Отовсюду сильнее запахло цветами; [...] звездное небо как будто опустилось над нами.

Разница в возрасте ведет к тому, что Сергей Михайлович общается с Машей как с молодым любимым товарищем, дает советы, поощряет, бранит. Есть в этом оттенок отцовской любви. Какое-то время Машу оскорбляло, что он так обращается с ней и ничего не рассказывает о себе, о мире, в котором живет, но вскоре она привыкла к этому и нашла естественным. Любовь красивая, которая жила в душе Маши в этот период, приносила ей и нравственное удовлетворение:

Я знала, что он любит меня, – как ребенка, или как женщину, я еще не спрашивала себя; я дорожила этой любовью, и, чувствуя, что он считает меня самую лучшую девушкою в мире, я не могла не желать, чтоб этот обман (что во мне нет кокетства) оставался в нем. И я невольно обманывала его. Но обманывая его, и сама становилась лучше [...] Души же моей он не знал, потому что любил ее, потому что в то самое время она росла и развивалась.

Беспреданно в душе девушки обнаруживаются новые, ранее неизвестные ей чувства и ощущения, с каждым днем усиливаясь и укореняясь в ней. И она все более душевно сближается с женихом, подпадает под влияние его мыслей.

Каждая мысль была его мысль, и каждое чувство – его чувство. Я тогда еще не знала, что это любовь, я думала, что это так всегда может быть, что так даром дается это чувство.

Среди мыслей, внушенных Маше ее любимым, была и мысль о ценности самоотвержения:

---

³⁰ Ibidem, с. 133.

Он говорил, что в жизни есть только одно несомненное счастье – жить для других [...]. Это убеждение, помимо мысли, уже проходило мне в сердце.

В этот период любовь Маши – глубокое чувство, заставляющее трепетать. Героиня настолько счастлива, что хочет поделиться счастьем, отдать всю себя другим.

Любовь Маши романтически не приукрашивается. Забыт прежний идеал – некто „тонкий, сухощавый, бледный, печальный”, а полюбила она человека „уже немолодого, высокого, плотного и всегда веселого”. Отношения между ними строятся на основе искренности и правды. Сергей Михайлович открыл Маше „целую жизнь радостей в настоящем”, помог увидеть „волшебный мир красоты” в том, что каждый день было перед ее глазами. Все окружающее стало для Маши „новым и прекрасным”. Она постепенно усвоила то понимание жизни, которое в Сергее Михайловиче вырабатывалось годами. Опыт автора повести подсказывал: сходство и согласованность характеров – необходимая основа любви – возникает не сразу, подчас мучительно. Маша долго

чувствовала невольную напряженность, говоря с ним, и понимала, что [...] в нем оставался еще целый чужой мир.

Но вот наступает этап во взаимоотношениях любящих, когда Маша почувствовала, что не только равна с Сергеем Михайловичем, но и в чем-то выше его.

Это был уже не старый дядя, ласкающий и поучающий меня, это был равный мне человек, который любил и боялся меня, и которого я боялась и любила.

Здесь и боязнь, и наслаждение властью над сердцем друга. „Мне пришло непреодолимое желание еще раз смутить его и испытать на нем мою силу”, – казалось бы, отрицательное проявление любви, но это тоже естественная другая сторона чувства.

Сцена, в которой Маша поняла, что Сергей Михайлович любит ее, – еще одно открытие Толстого-художника.

Он думал, что я ушла, что никто его не видит [...] Вдруг он пожал плечами и, проговорив что-то, улыбнулся. Так не похоже на него было это слово и эта улыбка [...] „Милая Маша!” – повторил он. Он улыбнулся, глядя на меня. Я улыбнулась тоже. Все лицо его просияло радостью.

Глубоко скрытые чувства героев изображены здесь специфическим толстовским приемом: от видимого художник ведет к невидимому, от внешнего – к внутреннему, от телесного – к духовному.

Развитие чувства Сергея Михайловича раскрыто иначе, сдержанно и лаконично. Толстой опирается более всего на внешние проявления эмоций героя, на характеристику его поступков. Впервые увидев Машу взрослой девушкой, Сергей Михайлович „остановился и некоторое время смотрел, не кланаясь”. Уезжая, он говорит „слишком холодно-простым тоном”, и „обходит ее взглядом”. Разница в возрасте кажется герою непреодолимой

преградой, в его душе борются желание любви с ее запретом. Показательна сцена его разговора с Машей о том, почему он не женится:

На меня уже давно перестали смотреть, как на человека, которого женить можно. Тридцать шесть лет, уж и отжил.

Маше показалось, что он как-то неестественно, напряженно говорит это; в тоне его она слышит „затаенную грусть” и ощущает холодность при прощании.

Толстой всюду демонстрирует умение через деталь, жест, тон обнаружить содержание души. По словам героини, „в каждом движении, в каждом слове и взгляде его я видела любовь и не сомневалась в ней”. По аналогичному поводу Д.С. Мережковский заметил, что в произведениях Толстого художественный центр тяжести, сила изображения – не в драматической, а в повествовательной части, не в том, что говорят персонажи, а в том, что о них говорится. „У Толстого мы слышим, потому что видим”³¹. Герои повести говорят друг с другом особым, как бы внутренним голосом. Вслух же произносится совсем иное:

Он сказал: „Вы не боитесь?” – а я слышала, что он говорил: „Люблю тебя! Люблю!” [...] – твердил его взгляд, его рука; и свет; и тень, и воздух, и все твердило то же самое.

Героиня предчувствует, что родившееся в ее душе чувство претерпит много горестного:

Я испугалась своего чувства. Бог знает, куда оно могло повести меня. [...] Мне стало тяжело, тяжело на сердце.

И она не обманулась. Толстой обращается к интуитивной стороне любви, возможности предвосхищения будущего:

Я знала, что он это скажет и знала, что он не уедет. Как я это знала? Я теперь никак не могу объяснить себе.

Скрытое чувство тревоги за будущее счастье выявляется в момент объяснения в любви. После настойчивых просьб Маши Сергей Михайлович объяснил, что их отношения зашли слишком далеко, что она его не сможет полюбить, а если и скажет, что любит, то из жалости, после же будет считать свою жизнь загубленной: „Вам играть хочется, а мне другого нужно”. Все это поразило Машу, она ощутила боль.

За что? За что? [...] А в душе было счастье, навеки ушедшее, невозвратившееся счастье.

Самоощущение, характерное для героев Толстого: счастье и несчастье живут в душе одновременно.

---

³¹ Д.С. Мережковский, *op. cit.*, с. 85.

Толстой следит за тем, как обогащаются чувства Маши, замечая, что нередко к ним примешивается то, что идет от самолюбия и себялюбия. Вот одно из ее душевных наслаждений:

Я чувствовала, что во мне был целый новый мир, который он не понимал, и который был выше его.

Даже истинное чувство не исключает бессознательного желания власти над любимым существом. Такие психологические совмещения Толстой наблюдал в людях и не считал их безнравственными. Вот как рассуждает героиня накануне свадьбы:

Теперь я чувствовала себя совершенно равной ему [...] и часто с наслаждением видела перед собой вместо внушающего уважение и страх мужчины, кроткого и потерянного от счастья ребенка.

Ощущение своего превосходства, оказывается, не отвратило ее от любимого, а придало новый, нежный характер ее чувству.

Кажется, теперь героиня удовлетворена, счастлива. Но ее ожидают новые непредсказуемые ощущения. Ей открылась еще одна сторона счастья – влечение плоти.

Вдруг что-то странное случилось со мной, [...] все помутилось, я ничего не видела и должна была зажмуриться, чтоб оторваться от чувства наслаждения и страха, которые производил во мне этот взгляд.

Толстой рассматривает эротическую составляющую любви как естественное чувство, заложенное в человеке природой, сталкивая, как всегда, противоположные начала – страх и наслаждение. Уже в *Казаках* Толстой затронул этот вопрос, а в *Семейном счастье* он дает психологически выверенные сцены физического влечения. И как всегда, оценивает любовную страсть и со стороны природной, естественной ее сути, и с точки зрения нравственности.

Кульминация отношений героя и героини – теперь мужа и жены – свидетельствует о глубоком взаимном чувстве. Но это жизнь вдвоем, это – создание маленького мирка, где гложут чувства связи с большим миром, другими людьми. А потому нет настоящей жизни, нет движения, все ограничено кругом исключительно личных интересов. Они-то и разрушают самую основу любви. Эта обнажаемая в сюжете повести мысль появится во многих последующих произведениях Толстого, в частности – в *Анне Карениной*.

В повести *Семейное счастье* Толстой скажет о семейном несчастье как о неизбежном. И, вопреки, казалось бы, логике автора *Юности*, *Казаков*, не назовет здесь самоотверженную любовь, к которой стремится Маша, слепой и жестокой. Ведь она дает выход к людям, в деятельную жизнь, не ограничивает их мир, как самолюбивая и себялюбивая любовь вдвоем. В последней немало и слепоты, и жесткости. Маше казалось, что „есть там, где-то, еще другое счастье”. К ее наслаждению покоем и любовью к мужу присоединялась тоска, чувство повторяемости в жизни. Любовь начинает приобретать

тревожный характер. Хочется движения, волнений, опасностей и самопожертвования для усиления чувства: чтобы все вокруг видели ее любовь и „чтобы мешали любить”. У героини возникает потребность в не испытанных еще ощущениях, которых муж не может дать ей. Нужна борьба, нужно, „чтобы чувство руководило нами в жизни, а не жизнь руководила чувством”.

В Петербурге героиня испытывает новые ощущения, ею овладевает „чувство гордости и самодовольства”:

Внимание многих людей в свете заставляло думать, что есть некоторая заслуга в моей любви к мужу, и делало мое обращение с ним [...] небрежнее.

А муж только наблюдает за нею и ничего не делает для того, чтобы помочь ей вернуться к нему. Жизненный принцип Сергея Михайловича, которого он придерживается и теперь – „лучше обходить дурное, чем сопротивляться ему”. И еще – очень важное, с точки зрения Толстого: человек должен сам пройти через весь „дрязг жизни”, чтобы оценить хорошее.

Отношения дружбы остались, но Маша и Сергей Михайлович перестали быть друг для друга совершеннейшими людьми в мире. Героиня говорит:

Сцен и размолвок больше не бывало между нами, я старалась угодить ему, [...] мы будто любили друг друга.

Эта „будто любовь” похожа на то, что послужило причиной разрыва между Толстым и Арсеньевой. Толстой сознавал, что его невеста, как и Маша, чувствовала это отсутствие любви. Три года брачной жизни героев привели к тому, что их отношения „как будто остановились, застыли”. Это как раз тот срок, в течение которого, судя по дневникам, Толстой определил для себя последствия предполагавшегося брака с Арсеньевой.

Даже рождение сына не изменило жизни Маши. Материнское чувство, проснувшееся было у нее, перешло в „холодное исполнение долга”. Героиня все еще молода, и ее подстерегает опасность „падения”. Здесь типичное для Толстого освещение проблемы телесного чувства. Воспоминание о маркизе, который оказывал героине знаки внимания, когда она была с мужем за границей, берedit душу Маши противоречием между стремлением к счастью в семье и желанием „плоти”:

Так сильно отзывались во мне волнение и страсть этого человека! [...] Хотелось мне отдаться поцелуям, [...] так тянуло меня броситься в открывшуюся вдруг, притягивающую бездну запрещенных наслаждений.

Маша чуть не стала жертвой чужих любовных притязаний. Однако раскаяние в том, что она хотя бы в помыслах изменила мужу, приводит ее к осознанию необходимости порвать с тем образом жизни, который вскружил ей на время голову.

Любовь-дружба пройдет еще испытание холодно-дружелюбными отношениями Маши с мужем. Замкнувшись в себе, героиня оставляет всякую надежду:

Нет во мне ни любви, ни желания любви, ни потребности труда, ни довольства собой. [...] Зачем для другого? Когда и для себя жить не хочется?

Маша не может объясниться с мужем, который все время отстраняется от нее, не дает ей возможности откровенно высказаться. Сначала она не понимает, почему он так поступает. Но затем все прояснилось: потому что считает невозможным возвратиться к прошлому. Так и не дождавшись откровенного разговора с мужем, Маша наконец начинает догадываться, что та жизнь, которую она считала счастливой, на самом деле не была ею.

Любовь героини к своим детям, отсюда – любовь к мужу, их отцу – вот истинное счастье, которое обретает она через свои новые представления о жизни, семье и любви. Счастье ждет в будущем. В будущем ждет героиня и новых проявлений этого счастья. Муж же ей говорит: „Не будем стараться повторять жизнь, [...] довольно счастья”. Очевидно, что Сергей Михайлович считает, в отличие от Маши, что счастье уже было и прошло. Но разве герой не нашел того, о чем мечтал, что искал всю жизнь. Ведь счастье для него – покой, а тот период, который он называет прошлым и ушедшим, был для него полон непрерывной борьбы между противоречивыми чувствами.

Маша в юности была исполнена „вечного самопожертвования”, мечтала о жизни в семье, о замужестве, о „вечной любви друг к другу”. Тогда проявились в ее любовном чувстве несколько родов любви с различными их оттенками. Затем она прожила другую жизнь, в которой властвовало

одно себялюбивое чувство любви друг к другу, желание быть любимой, беспричинное, постоянное веселение и забвение всего на свете.

Но миновало и это – и героиня приходит к выводу:

С этого дня кончился мой роман с мужем, [...] старое чувство стало невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало [...] совершенно иначе счастливой жизни.

Известны недоброжелательные отзывы о повести самого Толстого. Версий в объяснение этого много. Возможно, автор, из-за сильного автобиографизма повествования, ощутил его как приукрашивание и схематизацию реальности. Ведь *Семейное счастье* стало для него „невозвратимым воспоминанием” о недавних годах его увлечения и вместе с тем воплощенным стремлением обнаружить и обнажить диалектику любви.

Толстой провел свою героиню через чувства разного содержания и накала, неодинаковой нравственной ценности. И всякий раз давал понять преимущества самого движения в развитии чувства, обогащающего человеческую личность. Так он убеждался и убеждал читателя в том, что осуществление полноты любви, гармонии чувств – серьезная проблема. И все же гармония достижима. Полноту счастья может обеспечить лишь многогранность любовных отношений. Важно, чтобы все роды любви к людям были действительно родами любви, а не эгоистического, своекорыстного себялюбия.

Видение, понимание и раскрытие любовного чувства в искусстве зависит, в первую очередь, от представлений художника о самой природе чувств, их истоках и законах развития. Толстой в своем творчестве уделял преимущественное внимание законам развития. Его заботило не воспроизведение чувств, а рассмотрение их в свете общих основ человеческого существования и общения. Отсюда стремление к классификации разнородных любовных отношений, рассуждения о различных типах любви к людям и, что для Толстого очень важно, их нравственной сути. Разнообразие конкретных проявлений любви побудило к делению родов на виды. Так, в *Казаках* Толстой опишет „любовь любви”, в *Семейном счастье* – любовь-дружба и т.д.

Ранние повести Толстого свидетельствуют о понимании им проблемы любви более всего как нравственно-психологической. Поэтому деятельную любовь он расценивает как приближенную к идеальной. В то же время Толстой утверждал: „Все роды любви – всё человеческие роды”. Художественным открытием Толстого было пристальное исследование эволюции любовного чувства, проходящего через три рода любви. Проявления их подаются как этапы „диалектики” чувств, во взаимосвязи с душевным и духовным движением.

Развитие любви отражено в повестях молодого Толстого в согласии с его общим представлением о „задушевных” мыслях и эмоциях, процессе их последовательного, однако всегда сложного проявления в человеке. Толстому свойственно видеть многомерность любовных состояний, замечать их постоянную изменчивость, стадии развития, этапы движения во времени. Он подмечает невыразительность начала любви, „таинственность” ее пробуждения и почти всегдашнюю ее незавершенность. Интересу к формированию любовного чувства соответствовал метод „диалектики души”, позволивший раскрыть мир душевных движений влюбленного и любящего с огромной степенью психологической правдивости и выразительности. Искания героями Толстого истинной любви между людьми сопровождаются тревогой, сомнениями, страданиями. Уже в ранних повестях Толстого в полной мере воплощена мысль о том, что человек волен выбирать свой путь в жизни сердца и нести за это ответственность перед своей жизнью и другими людьми.

Summary

“Kinds of Love” in the Early Works of L.N. Tolstoy

A number of early works by L.N. Tolstoy is devoted to the problems of love in its modifications, modulations and shades. Tolstoy who, as an artist, discovered the law of “fluidity” of human person proves here that love states are multidimensional and changeable, that movement is the nature of love itself. Love feeling goes through its different kinds: from “beautiful” and “selfless” love to ideal, highly moral “active” love. Gradations are relative, differences among “kinds of love” are caused by degree of presence of subjective-egoistic element. Stages of “dialectics” of feelings are interconnected with emotional and spiritual development of the personality. Tolstoy is sure that man is free in choice of his own way in the life of heart and in his responsibility for it to his own life and other people.